

К ВОПРОСУ О ГЕНДЕРНЫХ АСПЕКТАХ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ У КАБАРДИНЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

Гугова Марина Хабасовна, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), gugowa@mail.ru

В статье рассматриваются трансформации повседневной культуры двух народов Центрального Кавказа – кабардинцев и балкарцев, исторически объединенных земельными, хозяйственными, административными, социальными и культурными факторами совместной жизнедеятельности. Целью работы является определение места архаических регуляторов в процессе трансформаций материальной культуры, семейных ценностей, половозрастной иерархии. Научный метод, выбранный для предпринятого анализа – гендерный подход, это обусловлено тем, что российское покорение Северного Кавказа сопровождалось трансформациями гендерной идеологии, пренебрежением к местным «имиджам маскулинности» и их постепенным низвержением. Основной вывод видится в следующем: наиболее заметные изменения в культуру повседневности кабардинцев и балкарцев на рубеже XIX–XX вв. внесли экономические преобразования, связанные с земельным переделом и миграционными процессами. На традиционные модели маскулинности и феминности оказали решающее влияние революция и гражданская война, социалистическая модернизация и политика женской эмансипации. В конце 20-х гг. XX в. наряду с отходом от новой экономической политики и ужесточением государственной политики в экономической и идеологической сферах, произошел резкий поворот от мирного сосуществования с традиционными институтами к политике их полного вытеснения из повседневной жизни кабардинцев и балкарцев.

Ключевые слова: модернизационные процессы, повседневность, Северный Кавказ, гендер, традиционное общество, женщина, кабардинцы, балкарцы.

С середины XIX в. горские общества Кавказа испытывали изменения, вызванные чередой исторических событий, обусловивших их постепенную модернизацию: 1. завершение Кавказской войны и включение края в состав Российского государства существенно изменили этнический состав населения Северного Кавказа, следствием чего стала интенсификация культурных взаимовлияний; 2. существенную роль в катализации процесса перехода кавказских горцев от традиционного уклада жизни к новым социально-экономическим отношениям сыграли реформы 1863–1869 гг.: земельная, крестьянская, административная, судебная, военная. Ускорение модернизации северокавказского общества связано с революциями 1917 года, гражданской войной и становлением советской власти.

Цель написания статьи состоит в прослеживании изменений в повседневной культуре двух народов Центрального Кавказа – кабардинцев и балкарцев, исторически объединенных земельными, хозяйственными, административными, социальными и культурными факторами совместной жизнедеятельности, и определении места традиционных регуляторов в процессе трансформаций материальной культуры, семейных ценностей, половозрастной иерархии.

Научный метод, выбранный для предпринятого анализа – гендерный подход. Это обусловлено тем, что российское покорение Северного Кавказа сопровождалось трансформациями гендерной идеологии, пренебрежением к местным «имиджам маскулинности» и их постепенным низвержением. Это пренебрежение состояло в том, что, признавая привлекательность кавказского, в частности, черкесского мужского образа жизни, и перенимая внешние его составляющие: костюм, вооружение, манеру поведения – колонизаторы создавали некую «иерархию маскулинностей колонизируемых народов... Коренные народы классифицировались как «более мужественные» или «менее мужественные»... В дальнейшем для противопоставления завоевателя и аборигена использовался набор символов превосходства и неполноценности. Так политика колонизации применяла один из способов оправдания своего предназначения «экспорта цивилизации в невежественный и дикий мир». «Темному» горцу противопоставлялся образованный европеец, необузданному и дикому хищнику – культурный и разумный военный специалист и т.д.» [Текуева 2006: 188].

Модернизационные процессы в экономике привели к появлению новых критериев маскулинности. «Образец сурового воина, проводившего жизнь в седле и пренебрегающего «черным» земледельческим трудом и торговлей, аскета, презирающего стяжательство и комфорт, постепенно смещается в сторону новых мужских ценностей: умение управлять хозяйством, выгодно торговать, работать на земле не покладая рук...» [Текуева 2006: 190]. Но были и сторонники такого рода изменений. Позитивный взгляд на трансформации сформулирован в афоризме известного кабардинского народного певца Ляши Агнокова: «Чем мечом рубящий, [лучше] на гармони играющий / Чем плетью грозящий, [лучше] борозду проводящий» [Налоев 2000: 13–14]. В этом изречении содержится революционное социальное обобщение. Ляша Агноков сумел зафиксировать реалии нового исторического периода, требующего перестановки акцентов с мужского идеала воина на культивирование образа мирного труженика, для которого необходимы были бы те же специфические мужские качества физической силы, выносливости, сдержанности и пр. Изменилась идеологическая нагрузка на носителей этих качеств. Время требовало адаптации к изменившимся политическим условиям и социальным отношениям [Текуева 2006: 191].

Но все же, в обществе были еще сильны патриархальные представления о роли мужчины в семье и обществе. Например, в революционных событиях 1917 года и в Гражданской войне очень быстро возрождаются качества традиционной маскулинности. Во всех противоборствующих лагерях востребованными оказались военные навыки, агрессия и культ силы – универсальные составляющие мужского портрета [Текуева 2003: 110]. Проявления ренессанса милитаризированной маскулинности наглядно иллюстрируют некоторые элементы повседневного поведения мужчин, характерного для обыденности тех лет. Так, в ноябре 1917 года современники, не без иронии отмечали, что «все портняжки мастерские были завалены заказами по пошиву черкесок, и сугубо «гражданские лица», примеряя черкески, тут же нашивали на них погоны полковников, ротмистров и др.» [АИГИКБНЦРАН. П. 22. Л. 3].

Но окончание Гражданской войны и установление советской власти привели традиционный адыгский институт наездничества к полному исчезновению и резко изменили представления о «мужественности» и «женственности». Под влиянием классово-идеологических ориентиров новой власти формируется новый культурно-антропологический тип «горца-колхозника», «горца-интеллигента», «советского человека». Вместе с тем новая власть полностью не отказывается от опыта традиционного общества и в рудиментарной форме элементы, например, прежних мужских союзов используются в организации сельскохозяйственных станков, кошевых объединений колхозного типа, бригадах косарей и т.д.» [Текуева 2006: 193].

Одним из главных последствий модернизационных процессов в кабардинском и балкарском обществах является женская эмансипация. Изменения в гендерном статусе женщин связаны, в первую очередь, с мероприятиями советской власти. Провозглашение равноправия полов привело к включению женщины в публичную сферу образования, труда и политики.

В традиционном обществе особенности социально-культурного поведения кабардинки и балкарки во многом определялись нормами этикета. Взаимоотношения между мужчинами и женщинами характеризовались полным и беспрекословным подчинением мужчине и в то же время уважительным и справедливым отношением к женщине. Мужчина в семейной иерархии стоял выше женщины. Об этом говорят и адаты, которые на протяжении веков регулировали почти все стороны жизни общества. Обычное право кабардинцев и балкарцев четко отражало социально-правовой статус всех социальных групп общества, включая и гендерный аспект. Обычное право кабардинцев и балкарцев в вопросах наследования имущества учитывало только мужчин [Ладыженский 2003]: прямыми наследниками признавались сыновья, при отсутствии сыновей наследниками становились братья умершего или его племянники. Т.е. недвижимость обязательно должна была остаться в распоряжении рода, передаваясь в случае отсутствия сыновей, по боковой линии [Правовые нормы... 1997: 174–175]. Но со второй половины XIX века женщины стали в некоторых случаях обращаться к нормам шариата, претендуя на выделение части наследственного имущества после смерти отца или мужа [Першиц, Смирнова 1998: 81]. Но, соглашаясь с тем, что мусульманское право направленно защищает имущественные интересы женщины по сравнению с адатом, и, учитывая большую степень свободы кабардинских женщин в сравнении с соседними народами, вывод о положительном влиянии шариата на положение женщины в Кабарде и Балкарии представляется недостаточно обоснованным реальными фактами [Текуева 2006: 144]. Кроме того, в конце XIX века, при решении имущественных споров обращались, хотя и редко, и к российскому законодательству, по которому женщины имели право на наследство наравне с мужчинами [Меретуков 1987: 57].

Слабый процесс экономической эмансипации женщин в регионе можно связать с экономическими же причинами разрушения патриархальной общины и большой семьи, связанными с крестьянской реформой 1863–1869 гг. При перераспределении земли по подымному, а не по подушному принципу большая семья вынуждена была выделять из себя нуклеарные ячейки, в которых трансформировались хозяйственные связи и экономические обязательства, в том числе и по отношению к овдовевшей невестке. В условиях разрушения семейно-общинной собственности и некоторого ослабления родственной солидарности, необходимо было оговаривать имущественные права женщин, не полагаясь на обычное право. Готовыми нормами, к которым народы региона были адаптированы, явились нормы шариата [Текуева 2006: 146].

Кардинальные же трансформации гендерных отношений, связанные с социальными ролями женщин и мужчин, произошли после установления советской власти в регионе в 20–30-х годах XX века. Новая власть, решая проблемы эмансипации женщин, начала с корректировки «части традиционных и обрядовых пережитков, так или иначе затрагивавших статус женщины: калым, многоженство, выдача замуж несовершеннолетних и т.д.» [Шоранова 2010: 16–17]. Первыми мероприятиями в этом процессе стало принятие общественных постановлений по запрету калыма и умыкания девушек (такие решения с конца XIX в. принимались неоднократно, но практически не исполнялись). Уже в мае 1918 г. Нальчикский окружной народный Совет поставил вопрос об ограничении суммы калыма до 1000 рублей независимо от социального статуса девушки. Для большей эффективности принятого решения предписывалось признавать брак недействительным,

если эфенди или мулла совершали обряд бракосочетания с нарушением данного условия или без согласия на брак девушки, а сам служитель культа навсегда отстранялся от должности [Гугова, Дзагов 2013: 146].

В 1921 году в Кабарде и Балкарии был наложен полный запрет на калым и похищение девушек. Новая власть считала калым «пережитком старины» и считала недопустимым явлением «торговлю свободными женщинами». А умыкание напрямую связывалось с распространением кровной мести на почве этих похищений, которая уносила «массу ни в чем не повинных жертв, и поэтому подобным явлениям не должно быть места в кабардинском и балкарском обществах» [ЦДНИ КБР. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 17. Л. 79], для чего местным властям предоставлялись особые полномочия. Так, по Уголовному кодексу РСФСР 1922 года Центральные комитеты отдельных республик и национальных областей имели право дополнять УК статьями, преследующими за преступления, составляющие пережитки местных обычаев [Гугова, Дзагов 2013: 147]. А «пережитками» представители власти могли объявить все традиции и обычаи, не отвечавшие интересам новой идеологии. В этом смысле показательна практика большевиков писать историю «с чистого листа, сняв с себя и возложив на царский режим всю ответственность за проституцию, сиротство, инвалидность, неравенство», т.е. «...всем без исключения проблемам присваивался статус пережитков царизма и капитализма, тяжкого наследия прошлого, для преодоления которого необходимо лишь изменить характер собственности («освободить труд») и перевоспитать человека, направить массы, добиться становления нового этноса» [Лебина и др. 2007: 60].

В 1924 году наказания за бытовые преступления (похищение женщин, многоженство, принуждение к вступлению в брак, брак с несовершеннолетними, кровная месть) в национальных республиках и областях были приведены к единообразию. Постановлением ВЦИК и Совнаркома РСФСР «О дополнении Уголовного, Уголовно-процессуального и Земельного кодекса» были предложены дополнения, принятые и утвержденные в последующем Облисполкомами [ЦГА КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 374. Л. 44–46].

Согласно статьям 194 и 195 десятой главы Уголовного Кодекса РСФСР предусматривались меры по предотвращению кровной мести и ведению расследования убийств. За уплату или принятие калыма предусматривалось лишение свободы до одного года и штраф. Похищение женщины каралось лишением свободы до двух лет. И самое главное: дела о преступлениях, согласно новым дополнениям Уголовно-процессуального кодекса, возбуждались по факту без жалобы потерпевшей.

Итогом проводимых мероприятий по созданию правовых основ равноправия горянки и идеологической пропаганды является ломка традиционного сознания горцев. Естественно, заметные изменения в обыденном сознании требуют внутреннего импульса к трансформациям и долгого времени. Но советская власть, революционно меняя все сферы бытия человека, достигла определенных успехов и в сфере модернизации менталитета кабардинцев и балкарцев. Перемены эти покажутся более наглядными, если применить методы микроистории. Интересный документ, отражающий с одной стороны, заметные изменения в общественном сознании кабардинцев и балкарцев, с другой – традиционализм, как реакцию на модернизацию, хранится в фондах Центрального государственного архива КБР. Это Акт, подписанный 5 мая 1921 года в Нальчике представителями Большой Кабарды, Балкарии и русского населения Кабардинского округа для предотвращения кровомщения: «...Обсуждали вопрос об убийстве гражданина сел. Неурожайного Хамата Максидова гражданином села Арик Уля Геургиевым на почве похищения первым сестры Геургиева с целью взять ее в жены... Мы нижеподписавшиеся, заручились честным словом коммуниста и гражданина т. Казгери Максидова, брата убитого Хамата Максидова, не мстить кровнику за убийство брата, в чем он на сем и дает свою подпись, ибо мщение является позором для культурного человека

и может породить целый ряд убийств и, следовательно, гибель ни в чем не повинных жизней... Довести об этом до сведения граждан Малой Кабарды и ее райсполкома с предложением последним обсудить затронутый вопрос и немедленно примерить обе стороны» [Текуева 2006: 12]. Следует отметить, что Казгери Максидов впоследствии возглавил судебную систему Кабардино-Балкарии, и можно предположить, что ему было нелегко отказаться от традиционных общественных установок и не воспользоваться своей властью для мести.

В 20-х гг. XX в. в местной печати стали появляться публикации, где обсуждали вопросы частной жизни и отношений между полами [Карахалк 1924]. Не вдаваясь в подробности публикаций, косвенно отражающих распространенность и многочисленность подобного рода явлений в обществе, отметим, что уже сам факт возможности публичного обсуждения круга вопросов, что казалось совершенно недопустимым в традиционном обществе, говорит об изменениях в общественном сознании кабардинцев и балкарцев.

Но все же традиционные стереотипы относительно гендерных отношений и ролей в обществе были еще очень сильны. Об этом говорит, например, статистика обращений в суд по поводу бытовых преступлений. Даже в случаях изнасилования «в силу страха перед общественным мнением девушки редко обращались в суд» [Текуева 2008: 308]. Здесь сказывалась и низкая юридическая грамотность, многие попросту не знали о своих правах [Соколова 1927: 27].

В 1926–1928 годах в КБАО (без Нальчикского округа) было зарегистрировано 1606 преступлений, из которых только 48 бытовых или 3 % от общего числа преступлений. При этом необходимо учитывать, что по УК РСФСР от 1924 г., дела по бытовым преступлениям возбуждались по факту, без обращений в суд или другие правоохранительные органы.

Одним из важных составляющих эмансипации женщин является их вовлечение в общественную жизнь [Анчабадзе 2012; Мамсилов 2004; Сабанчиева 2016]. Но женщина-горянка оказалась совершенно не готова к такому повороту. Традиционные стереотипы не допускали ее к активному участию в общественной жизни. Понимая и учитывая это, местные партийные организации в начале 20-х гг. XX в., как правило, проявляли особую сдержанность и пассивность в отношении признания прав женщин на публичную деятельность. С одной стороны, коммунисты являлись главами традиционных семейств с сильными патриархальными устоями, с другой – именно на них возлагалась задача «решения женского вопроса». Амбивалентность такого положения затрудняла модернизационные процессы в повседневной жизни. Так, в справке отдела работниц горянок Кабардино-Балкарского областного комитета партии в 1922 году говорится, что «сами коммунисты считают предосудительным участие своих жен в общих собраниях и сходах... Женская молодежь, хотя и тянется за комсомолом, но, зачастую боясь насмешки того же коммуниста, от нашего влияния уходит» [ЦГА КБР. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 374. Л. 142].

На первом совещании секретарей коммунистических и комсомольских ячеек Кабардинской области, состоявшемся 17 июня 1922 года и посвященном «отсутствию всякой работы среди женщин, выступил мулла, он же секретарь комячейки, который заявил, что он, как коммунист и мулла, готов повести борьбу за самое широкое раскрепощение женщин открыто, на основе Корана» [ЦДНИ КБР. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 17. Л. 80]. Очевидно, открытие для женщин публичного пространства зависело, в первую очередь, от изменения менталитета мужчин. Стремясь к организации «женского движения» в нужном для нее идеологическом русле, партия должна была нейтрализовать влияние других идеологических систем, в том числе, религию и традиционные институты общественных отношений.

Итак, важнейшим фактором социалистической модернизации семьи и семейного быта было раскрепощение горянки, подразумевавшего изменение положения женщины в правовой и экономической сферах. В 1929 году началась компания за предоставление женщинам «формально – права, а фактически – обязанности активно

участвовать в сельскохозяйственных работах, заниматься тяжелым мужским трудом (управлять плугом, трактором, комбайном и т.д.) В широких слоях населения эта компания поддержки не получила: женщины неохотно шли в подобные колхозные бригады, а в ряде случаев их просто не пускали мужа. Использование принудительных мер привело к тому, что к концу 30-х годов уже существовали бригады плугарок, трактористок» [Бабич 1995: 93].

Это оказало определенное влияние и на повседневный крестьянский уклад – более консервативную сферу жизни, в особенности, в период коллективизации, которая внесла коренные изменения в хозяйственный быт крестьянских семей, трудовая деятельность которых теперь перешла в сферу общественного производства, где семья не утратила производственные функции, но перестала быть основной производственной ячейкой крестьянского общества [Смирнова 1983: 176].

В начале 20-х гг. XX в. политика модернизации общественной и повседневной жизни столкнулась с определенными проблемами и в организации светского образования, особенно среди женщин. Светские школы должны были способствовать распространению знаний и подготовке национальных кадров (проводников нового сознания в этнокультурную среду кабардинцев и балкарцев), но оказались в конфликте с традиционной системой народного воспитания, гендерных статусов и отношений. Неприятие новой системы образования было связано в основном с самой формой образования. В частности, совместное обучение мальчиков и девочек являлось одним из факторов, препятствовавших популяризации советских школ.

Таким образом, наиболее заметные трансформации в культуру повседневности кабардинцев и балкарцев внесли экономические преобразования во второй половине XIX в., связанные с земельным переделом и миграционными процессами. Ренессанс традиционных моделей маскулинности: культура силы, агрессии, образа воина – произошел в период революции и гражданской войны. Политика эмансипации женщин имела огромное значение для модернизации повседневной жизни населения Кабарды и Балкарии: расширение границ женской сферы деятельности от усадебного хозяйства до общественного производства изменили бытовой уклад и обыденное сознание всех социальных групп. В конце 20-х гг. XX в. наряду с отходом по всей стране от новой экономической политики и ужесточением государственной политики в экономической и идеологической сферах, произошел резкий поворот от мирного сосуществования с традиционными институтами к политике их полного вытеснения из повседневной жизни кабардинцев и балкарцев.

Источники и литература

1. АИГИКБНЦРАН – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра. Ф. 2. Оп. 2.
2. Анчабадзе Ю.Д. Политическая культура адыгов: традиционные институты и их эволюция (вторая половина XIX в. – 1920-е годы). М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2012. 339 с.
3. Бабич И. Народные традиции в общественном быту кабардинцев. М.: Российская государственная библиотека, 1995. 128 с.
4. Гугова М.Х., Дзагов Р.Н. Изменения в традиционной системе гендерных отношений кабардинцев и балкарцев // Известия КБНЦ РАН. № 6. Т. 1. 2013. С. 144–150.
5. Карахалк. 1924. № 410.
6. Ладыженский А.М. Адагы кавказских горцев/Подготовка текста и комментарии И.Л. Бабич // Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК при РГУ и ИСПИ РАН. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. Вып. 18. 208 с.
7. Лебина Н., Романов П., Ярская-Смирнова Е. Забота и контроль: социальная политика в советской действительности, 1917–1930-е годы // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2007. С. 21–67.

8. Мамсиров Х.Б. Модернизация культур народов Северного Кавказа в 20-е годы XX века. Нальчик: Эльбрус, 2004. 326 с.
9. Меретуков М.А. Семья и брак у адыгских народов (XIX – 70-е гг. XX века). Майкоп: Адыгейское отделение Краснодарского книжного издательства, 1987. 380 с.
10. Налоев З.М. К биографии джегуако // Вопросы кавказской филологии и истории. Нальчик, 2000. Вып. 3. С. 13–14.
11. Першиц А., Смирнова Я. Юридический плюрализм народов Северного Кавказа // Общественные науки и современность. 1998. № 1. С. 81–88.
12. Правовые нормы адыгов и балкаро-карачаевцев в XV–XIX вв. / сост. Х. Думанов, Ф. Думанова. Майкоп: Адыгейское отделение Краснодарского книжного издательства, 1997. 187 с.
13. Сабанчиева Л.Х. Гендер в социально-политических процессах в Кабардино-Балкарии (20-е гг. XX в. – начало XXI в.). Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2016. 156 с.
14. Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. М.: Наука, 1983. 265 с.
15. Соколова О. Новый этап (К итогам III Краевого съезда женщин) // Революция и горец. 1927. № 2. С. 20–27.
16. Текуева М.А. «Решение» женского вопроса в Кабардино-Балкарии // Социальная история. Ежегодник. 2008. СПб.: Алетейя, 2009. С. 303–28.
17. Текуева М.А. Историко-правовые и культурные аспекты статуса адыгской женщины // Исторический вестник. Нальчик, 2006. № 4. С. 142–167.
18. Текуева М.А. Мужчина и женщина в адыгской культуре: традиции и современность. Нальчик: Эль-фа, 2006. 260 с.
19. Текуева М.А. Назир Катханов: штрихи к политическому портрету // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2003. № 1. С. 109–123.
20. ЦГА КБР – Центральный Государственный Архив Кабардино-Балкарской Республики.
21. ЦДНИ КБР – Центр документации новейшей истории КБР. Ф. Р-3. Оп. 1.
22. Шоранова З.В. Гендерное равенство в культурно-историческом развитии народов Северного Кавказа: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2010. 21 с.

THE QUESTION OF GENDER ASPECTS OF MODERNIZATION PROCESSES IN THE KABARDINIANS AND BALKARS IN THE LATE 19th AND FIRST THIRDS OF THE 20th CENTURY

Gugova Marina Khabasovna, Candidate of History, Senior Researcher of the Department of Modern History of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), gugowa@mail.ru

The article deals with the transformation of everyday culture of the two peoples of the Central Caucasus – Kabardians and Balkars. The aim of the work is to determine the place of archaic regulators in the process of transformations of material culture, family values, gender and age hierarchy. The scientific methods chosen for the undertaken analysis are a gender approach and ethnomethodology that studies everyday rules, norms of behavior, linguistic meanings within the framework of everyday social interaction. The use of a gender approach is due to the fact that the Russian conquest of the North Caucasus was accompanied by transformations of gender ideology, disregard for the local «image of masculinity» and their gradual overthrow. The main conclusion can be seen in the following: the most noticeable changes in the culture of the daily life of Kabardians and Balkars at the turn of the 19th and 20th centuries were the economic changes associated with the redistribution of land, migration processes and the penetration of capitalist elements into the local economy. The traditional models of masculinity and femininity were decisively influenced by revolution and civil war, socialist modernization and the policy of women's emancipation.

Keywords: modernization processes, everyday life, North Caucasus, gender, traditional society, the kabardians, the balkarians.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-1-44-29-35